

Т.П. Буслакова

«Творчество» (1936)

Стихотворение вошло в цикл «Тайны ремесла», состоявший из десяти поэтических произведений разного жанра, написанных в 1936–1959 гг. К ним примыкают еще несколько стихотворений, тема которых находится в русле размышлений лирической героини цикла о том, как «в стихах все быть должно»:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда...

(«Мне ни к чему одические рати...», 1940)

Лирическая героиня цикла действительно приоткрывает «тайны»: «божественный лепет» Музы — тяжелый труд для «Поэта», стремящегося «подслушать»

Немного у жизни лукавой,
И все — у ночной тишины.

(Поэт», 1959)

Его создания — «дыхание жизни» и «пропуск в бессмертие». Они должны быть «ясны» не только для «современника», но и для «незнакомых», «неведомых» друзей поэта — читателей будущего. Чтобы достичь «божественной» ясности, художник должен быть «весь настежь распахнут» навстречу жизни, всегда находиться «на каком-то крайнем крае» между сном и реальностью, «чистым источником» интуиции и «суровым» знанием, игрой и героизмом, «мертвенностью» и вечной жизнью.

Стихотворение «Творчество» открывало цикл, вошедший в «Седьмую книгу» Ахматовой (1936–1964), не появившуюся в отдельном издании. Его темой стало таинство творческого процесса. От внешнего мира к внутреннему, духовному центру «Сужается какой-то тайный круг». Постепенно замолкают земные звуки: «бой часов» (вызывающий в памяти «Ход часов... однозвучный» из пушкинских «Стихов, сочиненных ночью, во время бессонницы», 1830), «раскат стихающего грома» (обращающий к «неба содроганью» из пушкинского «Пророка» и к «громокипящему кубку», «раскатам молодым» из «Весенней грозы» Тютчева; 1828, 1854), «неузнанные и пленные голоса» (перекликающиеся с образом Ф. Сологуба:

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем»).

Лирическую героиню окружает «бездна» звуков и отзвуков, попадающих в резонанс с поэтическими образами других эпох (помимо перечисленных, использованы реминисценции из Некрасова, Фета, С. Городецкого), но все они «умолкают» перед «одним, все победившим».

Стремление передать нарастающее творческое напряжение в звуковых образах соотносит ахматовское стихотворение с «Творчеством» Брюсова (1895). В этом программном для старших символистов стихотворении будущий мэтр направления представлял таинство создания художественного произведения как идею, просвечивающую через реальный план («Тень несозданных» ритмов сквозь «колыхание» «фиолетовых рук» пальмы-латании):

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине...

«Бездна» звуков ахматовского стихотворения тоже побеждается тишиной («Так вокруг него непоправимо тихо...»), сосредоточенностью на «одном». Но в тишине лирическая героиня вслушивается не в себя, а в реальный мир, и настолько глубоко,

Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...

Образ предтворческой сосредоточенности напоминает «сладкую тишину», начинающую цепь образных реминисценций из пушкинской «Осени». В последних пяти строчках ахматовского стихотворения, рисующих момент наивысшего напряжения духа, разрешающегося в творчестве, следование пушкинским традициям проявляется наиболее отчетливо. «*Легкие рифмы*» — повторение образа Пушкина («И рифмы легкие навстречу им бегут...»). Остальные образы имеют прямые соответствия в «Осени»: «...*послышались слова*», «...*я начинаю понимать*» — «И мысли в голове волнуются в отваге...», «*И просто продиктованные строчки*» // «*Ложатся в белоснежную тетрадь*» — «Минута — и стихи свободно потекут». Для обоих поэтов «строчки», «продиктованные» музы, «просто», «легко» ложатся на бумагу, вписывая их имена в ряд «знакомцев давних», «вечных спутников» читателя.

Такое богатство реминисцентного ряда не случайно. Оно позволяет выйти за границы субъективного плана. Лирическая героиня Ахматовой приобретает обобщенные черты поэта, а в ее мироощущении высвечиваются и опора на классические образцы, и новаторство. Прежде всего это отказ от поэтизации в изображении творческого процесса. В других стихах цикла Ахматова назовет его «обузой», «работой», «лихорадкой», здесь это — «какая-то истома». Да и остальные образы берут начало из «простого» словаря. Возвышенный характер стихотворения приобретает благодаря значительности происходящего, тому, что лирическая героиня, с предельной откровенностью рассказывающая о неповторимом, личном переживании, о своей близости «голосам» земли, высший смысл земной жизни видит в создании вечных ценностей — «творчестве».